

niej przyniosły tragiczne wydarzenia z 10 kwietnia 2010 r. oraz zaskakująca dla wielu Polaków reakcja Rosjan na wiadomość o śmierci prezydenta Polski, jego małżonki oraz pozostałych członków delegacji udającej się do Katynia. To wartość, której nie można zaprzepścić. Jednak wyjątkowe wydarzenia, zarówno te tragiczne, jak i pozytywne, nie zastąpią codziennej pracy nad normalizacją stosunków polsko-rosyjskich. Odwołując się do wzorców z drugiej połowy XIX w. należy podjąć wysiłek pracy organicznej i «pracy u podstaw». Dotyczy to zarówno Polaków, jak i Rosjan. Jestem przekonany, że wzajemny szacunek i zrozumienie pomiędzy naszymi narodami są tego warte, a dalekosieżne efekty wspólnych działań przyniosą pożądane rezultaty nie tylko w sferze polityki czy gospodarki, ale także kultury i nauki.

Д. В. ГОРБАТОВ

СЛУЖИТЬ ИЛИ НЕ СЛУЖИТЬ ИМПЕРИИ? ПОЛЯКИ В РОССИИ XIX В.

XIX столетие можно с полным на то основанием назвать русско-польским веком. Миллионы поляков стали после поражения Наполеона российскими подданными, многократно увеличив число своих соотечественников, попавших в орбиту имперской государственности в последние десятилетия XVIII века. Упорное сопротивление нескольких их поколений заставило кормчих империи уделять огромное внимание польскому вопросу. В то же время беспрецедентно многочисленными и разнообразными стали межэтнические контакты на социокультурном, человеческом уровне.

Общепризнано, что длинный XIX век закончился лишь с началом Первой мировой войны, а короткий и драматичный XX век исчерпал себя на рубеже 1980—90-х гг. Если основываться на этой некалендарной периодизации, то XIX столетие стало *позпрошлым* уже довольно давно. Это прослеживается и по развитию исторической науки, в которой и в России, и в Польше на первый план, несомненно, вышел ставший теперь историческим XX век.

Однако русско-польская проблематика XIX века остается востребованной не только потому, что сохранились кадры исследователей, сформировавшиеся в социалистические времена. Получившие бурное развитие исследования империй (империология) потребовали повышенного внимания к польскому фактору. Возросший интерес современных россиян к своим семейным корням обнаружил очень значительное присутствие поляков в истории России. XIX веку повезло еще и потому, что в восприятии его не возобладали «белые пятна», которые, акцентируя отдельные события, отвлекают от изучения глубинных процессов. Нет

здесь и императивности, привносимой исторической политикой, хотя польская и российская оптика зачастую разная, что находит отражение как в тематических приоритетах, так и в оценках прошлого.

Служба поляков империи принадлежит к важнейшим сегментам русско-польского исторического поля. Это и судьбы огромного числа людей, и клубок разноплановых коллизий. Это механизмы адаптации поляков к российскому социуму и российской государственности. Это проблема индивидуального выбора. И это проблема общего политического курса, весьма существенным элементом которого была кадровая политика. Свою специфику имели различные периоды и различные регионы — Царство Польское, Западный край (литовско-белорусско-украинские губернии), имперские столицы, места ссылки с их обширнейшей географией.

Слово «служба» связано с целым рядом ценностно насыщенных производных понятий: от возвышенного «служения» до «служак», «службиста», «прислужника». «Служить бы рад, прислуживаться тошно», — восклицал герой Грибоедова с польской фамилией Чацкий, которую, правда, принято истолковывать декабристской родословной.

Службу империи можно понимать в узком смысле как государственную — гражданскую и военную службу. Не такой он, впрочем, и узкий, этот взгляд, учитывая всевластие Табели о рангах, которой охватывалась даже значительная часть творческой интеллигенции. Есть, однако, и более широкий смысл, включающий в полном объеме культурную, хозяйственную деятельность. В империологии, например, признано, что одним из направлений служения империи является ее исследование — естественно-научное, экономическое, этнографическое и т.д.

Историческая ноябрьская ночь 1830 г. послужила сигналом к переходу армии и практически всего чиновничества Царства Польского на сторону восстания. Повстанческое правительство возглавил А.Чарторыйский — некогда близкий соратник Александра I, глава внешнеполитического ведомства Российской империи в 1804-1806 гг. Империя получила серьезный урок: расширение не служит ее укреплению. В критические моменты вооруженного противостояния Николай I был готов отказаться от этнически польских земель.

Победив, Россия ощутила свободу от обязательств Венского конгресса по части управления, которым она следовала в гораздо большей степени, чем Австрия или Пруссия. Сейм в Варшаве был упразднен. Национальная армия прекратила свое существование, но остались ее кадры, частично влившиеся в российские соединения, ибо далеко не все примкнули к массовому исходу в Великую эмиграцию.

Стремясь разделить польских подданных на верных и неверных, Николай I всерьез занялся «переодеванием» поляков в русские мундиры, в чем усматривал важный символический ресурс утверждения российского господства над Польшей. В Государственном совете империи был образован Департамент дел Царства Польского, в который вошла верхушка сохранивших лояльность трону польских чиновников и военных, чье присутствие среди их соотечественников считалось невозможным и даже вредным. В числе этих избранных Ф.К.Друцкий-Любецкий, много сделавший для экономического процветания Царства Польского конституционного периода. Другим был генерал В.Красинский, храбро воевавший некогда на стороне Наполеона, отец одного из трех величайших польских поэтов-романтиков XIX века З.Красиньского, который, даже находясь в эмиграции, считался с сановным положением родителя. В польской традиции Красинский-старший наряду с торговичанами, способствовавшими разделу Речи Посполитой, сделался олицетворением предательства. Российский самодержец думал иначе, болезненно переживая массовое нарушение присяги своими польскими подданными.

Куда сложнее было разобраться с многотысячным рядовым чиновничеством. В целом длительная кампания по «разбору» польских чиновников успехом не увенчалась, как и попытки ввести в 1830—50-е гг. русский язык в делопроизводство Царства Польского и привлечь в администрацию русских. Число последних в указанный период мизерно. Потому А.Велепольскому в начале 60-х было так легко удалить их, а после восстания 1863 г. русификацию пришлось начинать практически с нуля. На этнически польских землях русский элемент был представлен преимущественно военными, что постоянно побуждало к созданию параллельной военной администрации. В народной русской среде источником сведений о польских, по сути полузаграничных, землях выступали отставные солдаты.

Между тем польское общество, в особенности многочисленная шляхта, доставляло огромное количество кадров для государственного аппарата. На XIX век пришлось завершение разложения шляхетского сословия, чему способствовала правительственная политика — так называемый «разбор» шляхты. Фактически в целях противодействия национально-освободительному движению имперское правительство продолжило курс, обозначившийся и в Речи Посполитой, и в самой России задолго до разделов. В условиях сословной нестабильности и далеко зашедшего материального оскудения шляхты служба становилась привлекательной как якорь спасения от социальной деградации. Кроме того, в первой половине XIX века именно госслужба в основном обеспечивала спрос на рынке умственного труда.

Наблюдалось явное перепроизводство кадров, которые бывшие земли Речи Посполитой решительно не могли обеспечить работой. Выстраивались длинные очереди на замещение штатных мест. На чиновничьем аппарате Николай I стремился максимально экономить, как это следует из его доверительной переписки с заместителем И.Ф.Паскевичем; в результате основная масса чиновников получала более чем скромное содержание. Таким образом возникал дополнительный мотив недовольства, и надежды возлагались на перемены. Если полистать словарь участников национально-освободительного движения в Царстве Польском 1832—1856 гг., то поразит число причастных к нему чиновников-поляков. Канцелярская работа у многих из них сочеталась с конспиративной. Российские чиновники, также в массе своей плохо оплачивавшиеся, конечно, выглядят более благонадежными в политическом отношении.

В Западном крае Николай I с растущей настойчивостью привлекал поляков на службу в великороссийских губерниях, считая ее наилучшей школой лояльности. Особо он заботился об устройстве представителей зажиточных слоев, чье материальное положение не побуждало к поиску казенных мест. Соответствующие распоряжения царь отдавал буквально на смертном одре. Его идеал — дворянин, помещик, чиновник (или офицер) в одном лице. В николаевской России было принято, чтобы дворяне служили, хотя бы короткий срок и формально. В общем русле либерализации Александр II отменил заветы отца, касавшиеся службы поляков, но очень скоро возобладали иной мотив — рост недоверия к ним в связи с очередным кризисом русско-польских отношений.

По мере нарастания противостояния служилым полякам была дана возможность перевестись в глубь империи. Так, константинопольский губернатор С.Хоминский занял равнозначную должность в Вологде. Вскоре он принимал в северной губернии ссыльных повстанцев, запомнившись им своим доброжелательным отношением. В 1860 г. по разные стороны баррикад оказалось немалое количество соотечественников. Ненавидимым поляками варшавским обер-полицмейстером был тогда генерал по фамилии Пилсудский.

В отличие от восстания 1830 г., в 1863 г. создается параллельное, подпольное повстанческое государство. Однако залогом его эффективности явилось содействие со стороны коронных чиновников. Н.А.Милютин назовет низшее чиновничество Царства «готовым составом для революционной организации».

Если в пределах бывшей Речи Посполитой имел место переизбыток кадров для государственного аппарата, то в местах ссылки — не только в Сибири, но и в провинциальных уголках Европейской России, их решительно не хватало. В этой связи обычным явлением стало использование осужденных за политические преступления не только на частной, но и казенной службе. Получив возможность проводить научные исследования, они дали целую плеяду первооткрывателей, чьи заслуги в России и Польше почитаются по сей день. Вслед за принудительно перемещенными в российские регионы устремляются добровольные переселенцы, в чем можно усматривать складывание общеимперского рынка труда. У историков, причем не только польских, но и российских, возникает даже соблазн представить развитие больших территорий вне исторического расселения поляков делом рук последних.

Во второй половине XIX века бывшая монополия казенной службы уже в значительной степени разрушается спросом на специалистов, обслуживающих экономическое развитие, людей свободных профессий. Миграциям поляков на восток способствовали чинимые властями препятствия на родине и неуклонный рост там русского присутствия, масштабы которого, впрочем, не следует преувеличивать. Ситуация усугублялась ограничениями деятельности дворянских корпораций и отсутствием земских учреждений. В Царстве Польском и Западном крае ощущался острый дефицит высших учебных заведений. Большое число поляков приняло имперские столицы, где они в гораздо меньшей степени становились объектом национальной дискриминации и могли рассчитывать на

успешную карьеру. В результате в Петербурге сложились своеобразные польские «группы давления», при поддержке своих российских союзников лоббировавшие национальные интересы.

Фактически происходило то, чего в свое время добивался истинный основоположник польской политики империи Николай I. Однако, пользуясь известным пушкинским образом, можно сказать, что после восстания 1863 г. вливавшийся в русское море польский ручей виделся бурным потоком, способным, воспользуемся теперь образом А.Ф.Писемского, все это море взбаламутить. Проявления интеграционных, центростремительных процессов воспринимались как польская экспансия, польское засилье.

Именно после 1863 г. служба поляков была максимально затруднена всяческими запретами, процентными нормами и всеобщим опасением новой измены. Правая пресса трубила о новых польских царствах, возникающих уже на этнически русских землях. Поэма А.Мицкевича «Конрад Валленрод», созданная в российский период творчества поэта и в польской традиции оцениваемая как самое неоднозначное его произведение, эксплуатировалась в качестве катехизиса вероломства поляков. Все более утверждалась теория заговора, в которой нашлось место и польским женщинам, и католицизму. Не только польская национальность, но и брак с поляками, а также католическое вероисповедание стали серьезно мешать устройству на службу и карьерному росту.

С польской стороны, в том числе из стана лоялистов (*ugodowcow*), последовали решительные возражения. Разгорелась дискуссия о том, кто является носителем разрушительных начал — поляки в России или русские в Польше. В ряду прочих грехов русских чиновников обвиняли в склонности к радикальной социальной инженерии. У себя на родине чиновники-поляки, как правило, сторонились представителей русской либеральной бюрократии, что имело серьезные последствия.

Польское общество вырабатывало свои защитные реакции, не только последовательно бойкотируя пришлых русских, которые трактовались как отсутствующие (*nieobecni*), но и подвергая остракизму обладателей казенных мундиров из числа соотечественников. В этом отношении показателен опыт А.Велепольского начала 1860-х гг.: против глашатая угоды, который добился весьма значительных уступок от Петербурга, восстало польское общественное мнение.

Существовала изоляционистская альтернатива уходу в частную сферу, в том числе в так называемую органическую работу. Эта поведенческая стратегия противостояла и политическому активизму, нацеленному на достижение независимости Польши, и интеграции в имперскую систему. Диктат националистически настроенного общественного мнения отличался чрезвычайной жесткостью и во многих случаях не оставлял места для индивидуального выбора. Валленродов поневоле, вынужденных следовать за утверждающими *liberum conspiro* будителями, было более чем достаточно. В то же время не будем забывать о многомиллионном большинстве, ориентированном на стабильность, приспособление к жизни в заданных условиях. Стереотипы исключительно занятой борьбой Польши (*Polska walcząca*) и постоянно угнетающей ее России далеко не адекватны исторической действительности.

В определенных точках польские и русские предубеждения смыкались. Например, не приветствовались смешанные браки. Польское общество плохо относилось к службе своих соотечественников, но крайне подозрительно относились к ней и власти. В обоих случаях ожидалось или уже инкриминировалось предательство, понимаемое, конечно, по-разному. Польский чиновник и военный становились заложниками как национальной политики государства, все более вдохновляемой русским национализмом, так и национализма польского. В русском мундире они оказывались чужими среди своих, не становясь при этом своими среди чужих.

Впрочем, подавление восстания 1863 г. изменило не только правительственную политику, но и атмосферу в польском обществе. Влияние сторонников продолжения борьбы заметно упало. Число же желающих поступить на государственную службу оставалось большим. В условиях прогрессирующей деполонизации административного аппарата Царства Польского и западных губерний сохранение в нем поляков стало даже патриотической миссией, подобно защите польского землевладения.

Несмотря на все препятствия, очень многие поляки успешно реализовали себя на имперской службе. В чиновничьем корпусе и в армии представлены различные слои польского общества — от богатой аристократии до неимущих. Служба не только давала возможность поддержать социальный статус, но и была социальным лифтом, открывая путь в имперскую элиту. После 1830 г. поляки в России, в отличие от монархии Габсбургов, не достигали мши-

стерских и наместнических постов. Однако ряд ведомств Царства Польского в 1830-50-е гг. возглавлялись поляками, среди которых видный экономист Ф.Скарбек. В начале 1860-х гг. фактически всем гражданским управлением руководил А.Велепольский, не служивший ранее и не имевший чинов, — случай в империи крайне редкий.

Особо следует сказать о поляках в армии. Военная карьера напрямую зависела от боевых заслуг, и поляки зарекомендовали себя активными участниками войн России второй половины XIX — начала XX веков. Участвовали они (правда, с обеих сторон) в Крымской войне. Обилие польских генералов на войне 1877—78 гг. побуждало русских современников проводить сравнение со «штабом пана Собеского». В 1903 г. генерал Б.Громбчевский, поляк и католик, был назначен атаманом Астраханского казачьего войска, что создало важный прецедент. Достижшие в русской армии генеральского чина поляки исчисляются сотнями, особенно много их накануне и в период Первой мировой войны. Явно недостает биографического словаря, который бы это наглядно представил, подобно уже изданному словарю польских генералов на австрийской службе. Несколько изолированная от общества, имперская армия была плавильным котлом, в котором большое значение приобретала профессиональная этика и служебная солидарность.

При этом далеко не все сделавшие блестящие карьеры на службе империи были «потеряны» для Польши. Наряду с альтернативой служить или не служить существовала еще альтернатива последствий выбора в пользу службы, вовсе не приводившей автоматически к ассимиляции. Переход в православие из карьерных побуждений не стал массовым явлением: православные поляки — в основном продукт законодательства о конфессионально неоднородных браках. С другой стороны, католическое вероисповедание не гарантировало *polskości*, в частности, владения языком. В независимой Польше говоривших на плохом польском выходцев из России не без иронии называли католиками. Обычно служба формировала носителей множественных идентичностей, включавших имперский и польский компоненты. Из сказанного понятно, с какими сложностями сталкиваются историки, проводя национальную идентификацию той или иной персоны.

Итак, служба поляков империи, подобно их миграциям, могла быть вынужденной, добровольной или принудительной. Со време-

нем добровольные начала выходили на первый план, прямое принуждение, напротив, применялось все реже. Несколько поколений поляков — подданных России являлись не только разрушителями, но и строителями империи, хранителями ее стабильности и долговечности. Видеть в первых героев, а во вторых достойных осуждения антигероев — крайне узко и предвзято. По вине такого подхода, тем не менее, рассматриваемая тема неоправданно слабо изучена, и мы по сей день способны лишь весьма приблизительно судить о степени интеграции поляков в имперское общество. В последнее десятилетие ситуация стала меняться к лучшему. В частности, в 1999 г. одновременно изданы две книги: А.Хвальбы — «Поляки на службе у москалей» и моя — «Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше». Интерпретация обсуждаемых в них сюжетов закладывает фундамент для взаимопонимания, что не может не обнадеживать.

В современной науке активно дискутируется феноменология элит: соотношение между элитой положения и элитой качества, элитой и контрэлитой, системной и несистемной оппозицией, национальный состав элиты, особенности функционирования региональных элит. Думается, что сформировавшийся методологический инструментарий важен для уяснения судеб поляков в Российской империи. Служба поляков империи — проблематика, далеко выходящая за пределы сугубо политической истории. Это широкое поле для социологических и культурологических (в частности, элитологических), регионоведческих, демографических, генеалогических исследований, изучения сложнейшего мира идентичностей. Это поле для совместной работы историков разных стран, прежде всего, конечно, российских и польских. К ней в заключение и хотелось бы призвать.

Основные работы автора по теме публикации:

Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). М., 1999. 270 с.

System zarządzania Królestwem Polskim w latach trzydziestych-pięćdziesiątych XIX w. // «Przegląd Historyczny». 1984. № 4. S. 711–730.

Aparat urzędniczy Królestwa Polskiego w okresie rządów Paskiewicza // «Przegląd Historyczny». 1994. № 1/2. S. 45–58.

Поляки и нигилизм в России: Споры о национальной природе «разрушительных сил» // Автопортрет славянина. М., 1999. С. 143–167.

Выбор носителя «русского начала» в польской политике Российской империи. 1831–1917 // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000. С. 107–116.

Польский аспект подготовки крестьянской реформы в России // Иван Александрович Воронков — профессор-славист Московского университета. М., 2001. С. 96–114.

Польский вопрос в кругу «роковых вопросов» Российской империи (1831 г. — начало XX века) // Государственное и муниципальное управление в России. История и современность. Самара, 2004. С. 65–80.

Русско-польское противостояние XIX — начала XX вв. в геополитическом измерении // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 2: География и политика. М., 2006. С. 9–31.

Кризисы и компромиссы в национальной политике Российской и Австрийской империй 1860-х годов // Конфликты и компромиссы во всемирной истории. М., 2009. С. 142–155.

Stosunki polsko-rosyjskie XIX wieku i ich współczesne echa: doświadczenia badawcze, refleksje historiograficzne (w печати, публикуется в материалах I Конгресса зарубежных исследователей истории Польши, Краков, июнь 2007 г.).

Leonid J. Gorizontow
(*Rosyjski Państwowy Uniwersytet Humanistyczny, Moskwa*)

**SŁUŻYC CZY NIE SŁUŻYC IMPERIUM.
POLACY W ROSJI W XIX W.**

Masowy napływ Polaków w XIX i początku XX w. do rosyjskiej armii oraz urzędów i instytucji państwowych sprawia, iż badania nad sprzeczną symbiozą narodowej i imperialnej tożsamości są w tym kontekście szczególnie aktualne. Stosunek Polaków do służby zmieniał się w zależności od czasu i miejsca ich pobytu. Równie silnie ewoluowały poglądy władz i społeczeństwa rosyjskiego w odniesieniu do obecności Polaków w aparacie urzędniczym i korpusie oficerskim. Waznym czynnikiem kształtującym rosyjsko-polskie stosunki były narodowo-wyzwoleńcze dążenia Polaków. Postrzeganie różnorodnych strategii zachowań Polaków nie zawsze uwzględniało procesy modernizacji i siły dążące do centralizacji państwa. Stereotypy stworzone w «długim» XIX w. wpływają na dzisiejsze podejście do historiografii.